

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.3.9

СЕРВИСНАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ, ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТАТУСА НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

Тип статьи: научная

Получено 11.06.2021

Одобрено 12.07.2021

Опубликовано 20.09.2021

Для цитирования: Хмелевская С.А. Сервисная модель науки, или к вопросу об изменении статуса науки в обществе // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №3. С. 389–398. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.3.9

С.А. ХМЕЛЕВСКАЯ¹

¹ МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы).

Аннотация

Переход социума на постиндустриальную стадию развития и формирование общества потребления существенно изменили статус науки, что нашло отражение в культуре постмодернизма. Прежний статус науки в культуре модерна основывался на её роли как базисного эпистемологического субъекта, продуцирующего истинные знания. Новый статус науки следует из её роли в сфере услуг и понимания как одного из субъектов этой сферы, что было закреплено в понятии «сервисная наука». Появление сервисной науки обусловлено рядом причин: увеличивающейся дороговизной научных исследований и ограниченностью источников государственного финансирования, переводом ряда научных организаций на самофинансирование и пр. Феномен сервисной науки стал реальностью. Его осмыслением занята современная философия науки и, в частности, социальная эпистемология, которая акцентирует внимание, как на достоинствах сервисной науки, так и на её негативных чертах. С одной стороны, сервисная наука ускоряет процесс развития научных знаний, перераспределяет функции между научными организациями в целях ускорения вычислений, снижения издержек и пр. С другой стороны, переход к сервисной науке привёл к падению авторитета науки как самостоятельного социального института, снижению его значимости как общественного достояния, а отношения «заказчик/потребитель услуг – исполнитель услуг» выступают теперь в качестве доминирующих в сфере научной деятельности, что делает науку зависимой от заказчика (в частности, в выборе тематики научных исследований и пр.). Это опасно в том плане, что научные исследования и разработки начинают ориентироваться на сиюминутный спрос, за которым, в конечном итоге, скрывается стремление заказчика получить большую прибыль здесь и сейчас. Вместе с тем сервисная наука – это, хотя и преобладающая, но всё-таки лишь часть современной науки. Однако дальнейшее развитие науки предполагает всё большую её погружённость в сферу услуг, что уже сейчас видно на примере развития технауки.

Ключевые слова: наука, сервисная наука, общество потребления, культура постмодернизма, сфера услуг, социальная эпистемология, отношения «исполнитель – заказчик», технаука

Введение

Философский подход к анализу науки исходит из положения, что её статус определяется не только местом и ролью в обществе, но, прежде всего, смыслом научной деятельности, который придаётся ей социумом, положением в иерархии социальных ценностей, степенью доверия к научным знаниям, учёным, науке как социальному институту, что, в частности, раскрывается в таких категориях, как «эпистемический авторитет науки», «моральный авторитет науки» и пр.

Существующая до недавнего времени модель европейской науки (отражающая, по сути, мейнстрим развития современной науки) и социальный статус последней стали формироваться в Новое время, что было отражено в работах Ф. Бэкона, который писал о достоинстве и приумножении наук, чья основная задача – дарить светоносные и плодоносные опыты людям, при этом «обогащая целые королевства и республики» [4: 142]. В конечном итоге, именно наука была наделена монопольным правом вырабатывать истинные знания, в силу этого её эпистемический авторитет был неоспорим, что обусловило и привилегированный статус в обществе. Как отмечал Йохан Хейзинга, «в те времена никто даже на минуту не мог бы

усомниться, что наука играет высокую роль предводителя и наставника» [17]. Вся культура модерна была заострена на поддержку данного образа науки.

Но со временем культура модерна стала переживать кризис, особенно ощутимый во второй половине XX века, когда произошли существенные изменения в большинстве экономически развитых стран, выразившиеся, в частности, в возникновении общества потребления, являющегося предметом осмысления в концепции постиндустриального общества, прогнозирующей новую структуру занятости с её опорой на сферу потребления [1, 5, 30, 31]. В культуре основным трендом стал постмодернизм, породивший новое философское осмысление общества и его социальных институтов, мира в целом. Всё это не могло не отразиться и на понимании статуса науки.

Й. Хейзинга связывал изменение данного статуса в новых условиях с трансформацией функций науки. Традиционно таких функций выделялось три: «приобретение и приумножение знания, воспитание общества во имя более чистой, совершенной культуры и создание возможностей освоения и применения новых средств» [17]. И дело здесь не в том, что изменившиеся социаль-

ные условия порождают новые функции науки, а в том, что меняется соотношение уже существующих. «Все три функции науки: воспитание, приращение знания и его техническое использование в XVIII веке можно выразить отношением 8:4:1. Если определить то же отношение для нашей эпохи, оно может выглядеть приблизительно как 2:16:16» [17]. При этом воспитательная функция науки фактически стала второстепенной, а эпистемологическая и прагматическая функции вышли на передний план.

Хёйзинга подчёркивал и ещё один значимый момент современной культуры – «человек сегодня черпает своё знание не из науки – за редчайшим быть может, исключением» [17], а это значит, что наука потеряла монопольное право на производство истинного знания, а её эпистемический авторитет был существенно ослаблен. Хёйзинга объяснял это «затуханием интеллектуального сознания» в обществе [17].

Однако, как представляется, только этот фактор не раскрывает всей полноты причин происходящего. Наиболее значимо здесь то, что изменившиеся социальные условия существенно повлияли на механизмы производства и распределения знания, как следствие, произошло размывание границ в понимании того, кто является действительным субъектом, продуцирующим истинные знания (отсюда понятие распределённого субъекта познания) [19: 62]. Следует также подчеркнуть, что формирование и развитие общества потребления воздействовало буквально на все социальные институты, включая и науку. В этом обществе всё, в конечном итоге, нацелено на потребление, соответственно, целевые ориентиры социального развития, включая и цели науки, концентрируются вокруг этого. В связи с этим важно проанализировать, что же произошло в науке в обществе потребления, какой она стала и каковы перспективы её развития при переходе к обществу знаний.

Исходя из изложенного, **объектом** исследования в статье выступает наука как социальный институт, **предметом** – формирование и специфика общественных отношений, обусловленная появлением сервисной науки, сложившейся под влиянием социокультурных изменений, связанных с развитием общества потребления и переходом в настоящее время к обществу знаний как мировому тренду. **Цель статьи** – показать, используя разработки современной социальной философии и социальной эпистемологии, неоднозначность феномена сервисной науки, раскрыв как позитивные моменты, порождённые его появлением, так и риски, детерминированные им. **Исследовательская гипотеза** состоит в том, что сервисная наука

закладывает новую социокультурную парадигму в понимании науки как социального института, при этом несмотря на то, что вся наука не может стать сервисной, но сервисная функция может преобладать во многих секторах науки.

Наука в обществе потребления.

Причины формирования сервисной науки

Общество потребления по-своему переосмыслило статус науки, переместив её в третичный сектор экономики и сформировав образ «сервисной науки», нацеленной на оказание услуг (выполнение работ). По мере развития дигитальных информационно-коммуникационных технологий информационные услуги, в том числе предоставляемые научными организациями, стали относить к четвертичному сектору экономики, подразумевая, что речь идёт об экономике, основанной на знаниях (хотя это не исключает того, что часть услуг, оказываемых этими организациями, могут относиться к третичному сектору экономики) [25, 26]. Вместе с тем отнесение науки к третичному или четвертичному секторам экономики не меняет сути: сервисная наука нацелена на оказание определённых услуг (выполнение работ), с той разницей, что при её включении в четвертичный сектор указывается, что данные услуги имеют интеллектуальный характер (отсюда, попытки конкретизировать третичный сектор экономики, выделив в качестве самостоятельного его сегмента сферу интеллектуальных услуг). В настоящее время в экономически развитых странах стали особо востребованными наукоёмкие и информационные услуги, сформировался устойчивый спрос на знания. Причём объём таких услуг из года в год возрастает, что отвечает тенденции построения общества, основанного на знаниях.

Переход к модели «сервисной науки» во многом совпадает и со стремлением научных организаций найти новые источники финансирования, сделать его более или менее стабильным. По мере своего развития наука в целом становится всё более дорогостоящей: научные исследования и разработки в ряде научных отраслей требуют всё больше и больше финансовых ресурсов; существующего финансирования, как правило, не хватает. При этом вложения государства (что свойственно не только России, но и всем странам) ограничены. Научные организации переведены на самофинансирование, им приходится зарабатывать самостоятельно и, прежде всего, через выполнение работ и оказание услуг (участвуя в конкурсах, тендерах, грантах, ища спонсоров, заключая соответствующие договоры с коммерческими и некоммерческими организациями и пр.). Поэтому «сервисная наука» во многом отражает

нынешний статус современной науки, когда научная деятельность стала рассматриваться как деятельность по оказанию услуг (выполнению работ). Причём речь идёт не только о прикладной науке; в сферу услуг может быть вовлечена и фундаментальная наука.

Формирование «сервисной науки» – явление глобальное, которое нашло отражение и в современной российской науке. Хотя в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»¹ наука прямо не отнесена к сфере услуг (однако в нём даётся определение «коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов»), но в ряде подзаконных нормативных правовых актов, например, касающихся деятельности министерств, в перечне государственных услуг (работ)², оказываемых (выполняемых) находящимися в их ведении федеральными государственными учреждениями в качестве основных выполняемых ими работ названы: «проведение научно-исследовательских работ (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок); организация и проведение экспертиз в области научной и научно-технической деятельности»³. Помимо указанных работ есть и перечень услуг, оказываемых этими научными организациями (информационные, консультативные, экспертные, образовательные и пр.).

Итак, комплекс причин, как внешнего, так и внутреннего по отношению к науке характера, привёл к появлению сервисной науки. Необходимость выживания, ограниченность государственного финансирования или вовсе его отсутствие, рыночные условия функционирования объективно требуют переориентации целей деятельности научных организаций на поиски финансовых ресурсов; им всё «больше требуются инвесторы и акционеры» [16: 244]. Тем самым, современные условия функционирования науки переориентируют её цели на обеспечение собственного финансирования через выполнение работ и оказание услуг, порождая, тем самым, модель сервисной науки.

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ (редакция от 30.04.2021) «О науке и государственной научно-технической политике» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 01.06.2021).

² Некоторые авторы уточняют различие между понятиями «работа» и «услуга», однако в ряде нормативных правовых актов указанные различия не выделяются, при этом законодатель исходит из того, что их отличия не меняют их отнесения к сфере услуг.

³ Приказ Минфина России от 18.10.2017 №153н (ред. от 17.06.2020) //Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2021).

Характеристики сервисной науки

Сервисная наука, несмотря на некоторую негативную коннотацию, связанную со словом «сервисная» (идентичная «обслуживающая»), – это реальность, и она требует тщательного изучения. Более того, именно она выражает наиболее распространённую модель современной науки, в том числе и в её российском варианте.

Понятие «сервисная наука» многозначно и не получило в отечественной и зарубежной философии науки единого толкования [6, 15, 16, 23]. Наиболее близкое к нему по значению понятие – «сфера научного обслуживания», которое трактуется как «особая часть сферы услуг, напрямую связанная со спецификой деятельности научных учреждений и организаций» [6: 4]. Однако здесь речь идёт не только об услугах, но и о выполнении работ научными организациями [6: 4]. Безусловно, такие услуги и работы имеют свою специфику, что уже отмечалось в научной литературе (это их уникальный характер, наличие высокоинтеллектуального труда работников и пр. [6: 5]). Но важно, что выделяя указанную специфику, авторы отмечают и такую черту данных услуг, как их направленность на «решение научных задач и выполнение научных исследований прикладного и фундаментального характера путем осуществления заданий конкретных потребителей» [6: 5].

Подход к науке как части сферы услуг изменяет роль самой науки и, соответственно, учёных. Отношения «заказчик/потребитель услуг – исполнитель услуг» выступают теперь в качестве базовых. «Правовой режим оказания услуг определяется общей и специальной полезностью услуги; возможностью удовлетворить интересы услугополучателя; соответствием услуги основам правопорядка и нравственности» [9: 21]. В данном случае в ракурсе философского анализа важно не то, как выстраиваются здесь правовые отношения, а то, насколько наука сохраняет автономность в качестве целеустремлённой системы общества и способность выполнять целевое предназначение в социуме – продуцировать истинное (обоснованное) знание, отстояв свой эпистемический авторитет.

Как отмечает Ст. Фуллер, разработчик современной социальной эпистемологии, «общество начало считать себя не столько зрителем, сколько потребителем науки» [16: 210]. Но у сервисной науки при таком подходе есть и обратная сторона – потеря статуса научных знаний как общественного достояния. Об этом, в частности, писал Орио Джарини, один из исследователей сервисной экономики: «Целью частных исследований почти всегда бывает обеспечение данной фирме монополии знаний, дающей ей монопольный

доход. Размер ожидаемого дохода при этом куда важнее, чем общественная полезность созданного знания» [23: 105]. Наука здесь выполняет обслуживающую функцию, предоставляя знания, за которые фирма готова заплатить.

Вместе с тем О. Джарини подметил весьма важные моменты, связанные с функционированием сервисной науки, а именно то, что стоимость научных услуг начинается ещё задолго до момента оказания самой услуги (например, с фундаментальных исследований, благодаря которым стало возможным оказание данной услуги) и может продолжаться и после этого. Поэтому стоимость услуги должна учитывать подобные особенности.

Одновременно сложно согласиться с О. Джарини, что через стоимость работ и услуг экономика знаний нашла инструмент для измерения стоимости результатов научной деятельности, а «переход к современной экономике услуг фактически представляет собой фундаментальный сдвиг в понятии ценности» [23: 103]. В связи с такими утверждениями возникает целый ряд вопросов: можно ли считать, что научные результаты сводятся только к выполненным работам и оказанным услугам, ведь значение полученных знаний может выходить далеко за пределы этого? Как измерить общественную полезность науки, не сводя эту полезность лишь к совокупности её конкретных результатов? Не ясен и смысл сдвига в понимании ценности.

Сам О. Джарини, в конечном итоге, приходит к выводу, что научные знания имеют цену только в случае их ограниченности (уникальности, новизны, способности дать экономический эффект). Однако в отсутствии такой ограниченности знание становится достоянием общественности. Но такое утверждение О. Джарини противоречит ряду примеров современной научной практики, одним из которых является пример с патентованием генов.

Так, в своё время компания «Myriad Genetics» получила в США патенты на гены BRCA1 и BRCA2, опухолевые супрессоры, различные мутации в которых повышают риск развития рака молочной железы и яичников, что обеспечивало данной Компании «эксклюзивные права на создание и проведение диагностических тестов по данным локусам» [14: 16]. Разгорелись острые общественные дискуссии по поводу такого патентования. В конечном итоге, Верховный Суд США признал недействительными данные патенты, постановив, что «гены человека нельзя запатентовать в США, поскольку ДНК является продуктом природы» [32]. В настоящее время «базы данных с геномами различных организмов, в частности, челове-

ка, доступны для исследователей, а новые геномы публикуются в открытом доступе» [14: 16].

Вероятно, именно такого рода примеры имел в виду О. Джарини, когда писал, что всё-таки есть исключения, а именно «некоторые технологические достижения (например, появление компьютера), а также некоторые изменения в социальном поведении могут привести к превращению дефицитных продуктов и услуг в бесплатные товары» [23: 103].

Итак, с одной стороны, наука как целеустремлённая система и социальный институт, нацелена на продуцирование знаний, делая их общественным достоянием (что противоречит целям сервисной науки), с другой стороны, сервисная наука, выполняя частные заказы, ограничивает доступ общества к полученным знаниям (хотя это не исключает их помещение в открытый доступ в дальнейшем). Таким образом, вся наука не может стать сервисной, но сервисная функция может преобладать во многих секторах науки.

Риски, связанные с формированием сервисной науки

В связи с формированием сервисной науки возникает целый ряд рисков, среди которых следующие:

1) само потребление знаний всё больше влияет «на способы и формы их производства, задавая определённые требования к характеристикам тех (новых) знаний, которые ещё только предстоит получить» [19: 61]. При этом возможны противоречия, с одной стороны, задач развития науки, как относительно самостоятельной социальной системы, имеющей свою логику развития, включая и собственную проблематику, и, с другой стороны, интересов заказчиков/потребителей. В сервисной науке именно от заказчика/потребителя во многом зависят цели, тематика исследований, что делает науку зависимой от выбора заказчика/потребителя. Это опасно в том плане, что научные исследования и разработки начинают ориентироваться на сиюминутный спрос, за которым, в конечном итоге, скрывается стремление заказчика/потребителя получить большую прибыль здесь и сейчас. Такой подход чреват негативными последствиями, в первую очередь, для фундаментальной науки, а также для тех научных исследований, которые по каким-то причинам в данный момент не пользуются спросом и которые нельзя выгодно продать. Эффективность научной деятельности ставится в зависимость от того, могут ли полученные результаты в виде услуг или работ найти своё место на рынке. Научное знание начинает пониматься как знание, которое должно найти своего заказчика и будет ему продано;

2) научное знание, удовлетворяющее потребности рынка товаров и услуг, необязательно должно представлять собой прорывное, новаторское знание, нередко оно служит целям, весьма далёким от поиска научных истин. Например, учёные могут быть вовлечены во всякого рода политические и иные авантюры, в которых ради реализации сомнительных целей политики и иные заказчики могут ссылаться на «научность» предпринимаемых действий или проектов, что не способствует росту авторитета учёных и науки в целом. Типичным примером в данном случае может являться привлечение «научной эмпирической базы» для обоснования разного рода идеологем (например, «агрессивная позиция Германии во время Первой мировой войны в полной мере подкреплялась лучшим в мире научным сообществом» [16: 217]); причём сначала формулируются цели, а под них задаются «научные основания». Имеют место и ситуации, когда государственные структуры в лице министерств и ведомств объявляют тендеры (полностью соблюдая все законодательно установленные процедуры), цель которых – «онаучить» те или иные политические решения, создавая видимость научной базы, то, что Бодрийяр назвал миром симулякров [2], а Й. Хэйзинга – псевдонаукой, «которая стремится занять место подлинной, чтобы обслуживать волю к власти. Но эта воля к власти находит гораздо более мощный и серьёзный инструмент в подлинной науке, используемой для выбора, изобретения и производства орудий власти. "Знание – сила", этот ликующий девиз буржуазно-либеральной эпохи, сейчас начинает приобретать зловещее звучание» [17];

3) ради получения прибыли, как заказчик, так и производитель услуги (выполнения работ) в лице научной организации могут пренебречь правовыми и моральными нормами (фальсификация данных, неэтичные цели и неэтично полученные результаты научных экспериментов и пр.);

4) сервисная наука создаёт риски формирования закрытой науки, так как результаты выполненных работ и оказанных услуг научными организациями могут иметь частный характер и не стать публичным достоянием. О негативных последствиях закрытой науки говорил в своём выступлении на 74-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Т.А. Гебрейесус, назвав «главным драйвером пандемии» COVID-19 отсутствие солидарности между странами и желания обмениваться данными, ресурсами, технологиями⁴; призыву к открытой науке посвящен и

⁴ Цит. по: РБК. Глава ВОЗ предупредил о появлении более смертоносного вируса, чем COVID URL: <https://www.rbc.ru/rbcfr/eeews/60ab98279a7947010b275cde>. (дата обращения: 01.06.2021).

недавно опубликованный проект Рекомендаций ЮНЕСКО об открытой науке⁵, где отмечается необходимость широкого распространения открытого лицензирования, расширения сферы знаний как общественного достояния, использования гибких возможностей, заложенных в интеллектуальной собственности;

5) сервисная наука перестраивает и критерии оценки научных результатов, соответственно, влияет на мотивацию учёных, в том числе формируя у них мотивы сервиллизма [18]. Наука и учёные начинают оцениваться по законам рынка, а это «может привести к существенному сдвигу в том, что считать издержками и прибылями научного исследования» [16: 225]. Например, специфика фундаментальной науки такова, что прибыль от её результатов может быть получена спустя долгие годы после сделанного научного открытия (то есть предполагается некий временной лаг), да и само получение этой прибыли может растянуться во времени. Если этого не учитывать, то «ценность знания превратится в краткосрочную стратегию выживания, обещающую наибольший выигрыш по минимальной цене» [16: 227].

С позиций философского осмысления можно выделить ещё рядстораживающих моментов: научные услуги становятся в один ряд с иными услугами, оказываемыми на рынке, а оценивание учёного происходит также по критериям рынка – насколько успешно он смог продать свои услуги или выполнить работы по договору, заключённому с заказчиком. Наукометрия, которую сейчас не критикует только ленивый, в конечном итоге, порождена сервисной моделью науки. «"Достоинство знания", если этот термин вообще используется, оценивается примерно так, как качество выпускаемых автомобилей вместе с умелой рекламой определяют место фирмы в структуре рынка»⁶ [7: 26]. В условиях торжества наукометрики учёные нередко всеми правдами и неправдами (например, за счёт взаимного цитирования коллег) увеличивают собственную цитируемость (и, тем самым, повышают пресловутый индекс Хирши), принимают участие в грантах, которые с точки зрения дальнейшего развития научного знания бесполезны, вносят свою лепту в «научное обоснование» политически ангажированных проектов, получая за это соответствующие заказы и финансирование.

В научной и философской литературе неоднократно звучала критика понимания образова-

⁵ Проект Рекомендации ЮНЕСКО от 31 марта 2021 года «Об открытой науке» URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373209>(дата обращения: 01.06.2021).

⁶ Порус В.Н. Выступление на Круглом столе «Достоинство знания как проблема современной эпистемологии» // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 25-27.

ния как услуги. Представляется, что аналогичная критика должна быть применена и в отношении включения всей научной деятельности в сферу услуг, подчёркивая, что научные организации, учёные формируют, прежде всего, общественные блага. Однако такая трактовка противоречит духу и букве, в частности, российского законодательства: большинство научно-исследовательских институтов являются бюджетными или муниципальными учреждениями, то есть некоммерческими организациями, созданными, согласно законодательству, для выполнения работ, оказания услуг в сфере науки.

Осмысление сервисной науки в философии науки (на примере современной социальной эпистемологии)

Традиционно социальная эпистемология как одно из направлений современной философии науки в центр своего внимания включала социальные условия и факторы, детерминирующие развитие науки. Достаточно назвать «сильную программу» Д. Блура [21], веритистскую эпистемологию Э. Голдмена [24], модель развития науки в условиях постправды Ст. Фуллера [16], чтобы убедиться в этом. Не обошла своим вниманием социальная эпистемология и модель сервисной науки. В связи с этим интерес представляет позиция Ст. Фуллера, который исходит из того, что в сегодняшнем мире общество предстаёт как потребитель научных результатов, включая и научные услуги, и оно хочет знать, следует ли покупать продукт, который предлагают учёные. Но и учёные исходят не столько из задач развития проблематики самой науки, а предлагают обществу то, что, в конечном итоге, можно продать или то, что способно удовлетворить имеющийся спрос. Тем самым, формируется сервисная модель науки.

Однако Ст. Фуллер формулирует далеко идущие выводы из этой модели. В частности, исходя из положений маркетинга, он выводит заключение, что сервисная наука должна чётко выделить, кто при оказании услуг является производителем услуги, заказчиком и потребителем. «Заказчик – тот, кто покупает товар или услугу, независимо от того, что он с ними будет делать, потребитель же может быть одновременно и заказчиком, но в любом случае именно он использует данный товар или услугу» [16: 213]. Указанное различие Ст. Фуллер проводит не случайно.

В частности, он приводит пример уголовного дела, в котором фигурантами оказались шесть итальянских сейсмологов, обвинённых в причинении смерти по неосторожности. Оценив вероятность наступления землетрясения как незначительную, они сделали вывод, что проводить

какие-либо мероприятия в целях защиты населения излишне. Но землетрясение произошло и унесло жизни более 300 человек, 1600 были травмированы. Вынося приговор, судья подчеркнул, что учёные осуждены не за неправильные расчёты, а за рекомендации.

Интересно отметить, что Ст. Фуллер пытается разрешить возникшую ситуацию именно с позиций сервисной науки, «формализуя различие между заказчиком и потребителем науки» [16: 215]. Согласно его рассуждениям, учёные в данном случае лишь производители информационной услуги, и их задачей было донести научную информацию до заказчика (в роли которого выступили муниципальные власти). По логике клиентской транзакции заказчик платит за полученную услугу, а дальше сам решает, как ею воспользоваться [16: 220]. Давая рекомендации, как в приведённом выше примере, учёные фактически вышли за границы роли исполнителя, за что, собственно, и были осуждены. Согласно Ст. Фуллеру, если заказчик и потребитель не совпадают в одном лице, то опять же потребитель сам решает, потреблять эту услугу или нет. Причём философ исходит из посылки, что не все научные идеи и разработки должны приниматься (потребляться) обществом. Более того, само общество берёт только то, что хочет или может взять.

Главный же вывод, согласно Фуллеру, состоит в том, что сервисная модель науки ведёт к перераспределению ответственности: учёный отвечает только за предоставленную услугу, результаты выполненных работ; заказчик берёт на себя ответственность, в том числе, когда перенаправляет данную услугу потребителю, а потребитель (в ряде случаев он же заказчик) отвечает за принятие решений на основе потреблённой услуги. Подобное перераспределение ответственности освобождает учёных не только от правовой, но и моральной ответственности за финальный результат, так как окончательное решение принимает заказчик/потребитель (как пишет автор, «общество не должно ожидать от учёных наставлений, но только информации» [16: 220]). На наш взгляд, эта позиция уязвима в том смысле, что принимающий решение должен, по меньшей мере, обладать такими же экспертными знаниями, полной информацией, как и исполнитель, хотя на практике это не всегда именно так.

Если Ст. Фуллер анализирует данную тему в ракурсе философского анализа, то Дэни Родрик, профессор международной политической экономики в Гарвардском университете, весьма убедительно в одной из своих работ описывает, как реально функционирует экономическая наука в оптике модели сервисной науки и при этом

фактически подтверждает философские выводы Фуллера.

В частности, Д. Родрик отмечает, что задача учёных-экономистов – разработать как можно больше различных экономических моделей, провести их развёрнутый научный анализ с учётом известных (и спрогнозированных) обстоятельств. Модели «не просто предупреждают нас от возможности различных исходов. Они полезны тем, что говорят нам, отчего зависят возможные исходы» [12: 31]. Учёные предлагают модели, разрабатывают инструкции, как их применять, показывают последствия использования на практике. Учёные выступают в данном случае в роли исполнителей. Заказчиком/потребителем же могут выступать государство, бизнес, общество, и именно от них зависит окончательный выбор экономической модели и её применение.

Д. Родрик указывает на дескриптивный характер экономической теории, сознательно уходя от нормативной трактовки последней. Но всё-таки полностью нормативный подход им не отрицается, хотя Родрик и отмечает, что такой подход требует переосмысления. И такое переосмысление происходит в современной философии науки. Например, проведённый дескриптивный анализ может стать «основой для нормативных рекомендаций о принципах функционирования науки, выбора "удачных" иллюстративных примеров и успешных стратегий науки» [10: 231]. Но сама целепостановка – вне задач экономической науки, формулирование целей – задача иных структур и наделённых соответствующими полномочиями лиц (чиновников, акционеров, спонсоров), реализующих государственное или корпоративное управление, но не учёных, выступающих в роли исполнителей, разработчиков, продуцирующих научное знание.

Учёные также могут выступать в роли заказчика, если это касается, в частности, аутсорсинга, для выполнения работ, сопряжённых с обеспечением научной деятельности. Постановка целей, не касающихся научной деятельности, предполагает, что учёные реализуют несвойственные им полномочия, выступая, например, в качестве самостоятельного политического субъекта либо в альянсе с иными политическими субъектами [8: 13]. Но это уже выходит за рамки сервисной модели науки, да и науки вообще. В этом аспекте «Новая Атлантида» Ф. Бэкона описывает именно то, как учёные, выходя за рамки очерченной для них обществом деятельности, становятся политическими субъектами, выполняя несвойственные для них функции политического управления [3].

Наука оперирует в описании знаний рефлексивными суждениями, раскрывающими объекты

в логике их собственного бытия, целеполагание же базируется на валюативных (ценностных) суждениях, раскрывающих предпочтения, выбор, разработку смыслов, что, как правило, требует выхода за пределы научного знания (если только это не связано с валюативными суждениями, имеющими отношение к самой научной деятельности). «Из сущего не выводится должное, и наоборот» – утверждение, которое в истории философии получило название «гильотина Юма» [20: 229-230]. Из знания сущего не выводится должное и наоборот. Сервисная наука снимает ответственность с учёных за применение полученной услуги, результатов выполненных работ, перекладывая данную ответственность на заказчика/потребителя. Это соответствует и желанию учёных рассматривать науку с позиций дескриптивного подхода. Однако это явным образом противоречит идеалам постнеклассической науки, где цели развития науки не могут не соотноситься с общечеловеческими ценностями, а тем более противоречить им [13: 250-251].

Заключение

Сервисная наука стала реальностью, принимая всё новые формы в своём дальнейшем развитии. Так, одним из её нынешних проявлений является технаука, нацеленная на «производство технологий и технообъектов» и предполагающая новую интеграционную общность «наука-техника-бизнес» [11: 23]. Идёт бурный процесс капитализации науки, а её функционирование стало подчиняться «закономерностям воспроизводства производительного капитала», то есть «целям, внешним по отношению к научным» [11: 23].

Несмотря на то, что сервисная наука модифицируется, проявляясь в новых формах, в любом случае в ней происходит смещение целей: с внутренних целей науки (идентифицирующих её как самостоятельную форму постижения бытия) на цели, связанные с её включённостью в систему отношений, построенных по типу «клиент-заказчик-потребитель». Это лишает науку прежнего привилегированного статуса, превращая учёных в простых исполнителей. Технаука лишь довершает этот процесс, делая понятие субъекта, производящего знание, всё более расплывчатым. Хотя не исключено, что в процессе дальнейшего развития технаука станет самостоятельным субъектом, выступая в роли и исполнителя, и заказчика/потребителя одновременно [22].

Философское осмысление любого феномена предполагает всесторонность: выделение как положительных, так и негативных сторон. Феномен сервисной науки – не исключение. Сервисная наука, безусловно, имеет свои достоинства:

ускоряет процесс развития научных знаний, позволяет найти новые источники финансирования, перераспределяет функции между научными организациями в целях ускорения вычислений, снижения издержек, научные сервисы позволяют обмениваться необходимой информацией, результатами научного анализа, предоставляют нужную инфраструктуру [27: 8-9].

Наука как сервис предполагает и кастомизацию, нацеленную на удовлетворение интересов разных групп заказчиков, что требует оказания услуг или выполнения работ, заостренных под запросы конкретного заказчика/потребителя.

Одновременно переход к сервисной науке привёл к падению авторитета науки как института (причём не только в нашей стране), снижению её значимости именно как социальной ценности. «Знание как самоцель и самоценность не востребовано в обществе потребления» [7: 37]. Этнос науки, начертанный Р. Мертоном [28, 29], во многом

предстает в роли морального идеала, к которому следует приближаться, но который сложно достигнуть. Но возможна ли сервисная наука на основе хотя бы приближения к мертоновскому идеалу? Представляется, что ответ должен быть утвердительным, хотя, безусловно, здесь имеют место компромиссы. С одной стороны, сложно сейчас утверждать о бескорыстии учёных, о чём писал Мертон, но, с другой стороны, вся наука не должна рассматриваться и как способ извлечения прибыли.

Несмотря на то, что сервисная модель науки в настоящее время является преобладающей, но одновременно существуют и иные её модели, которые, возможно, не являются доминирующими, но которые продолжают существовать не по законам рынка. Однако в любом случае задачи сохранения автономии науки, как целеустремлённой системы и знания, как общественного блага, остаются.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: АСТ, 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-122729-6.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с. ISBN 978-5-91478-023-1.
3. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Сочинения : В 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1971. С. 483–519.
4. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 85–547.
5. Джеймсон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63–77.
6. Казарина Л.А., Казарина М.В. Об услугах в сфере научного обслуживания // Сервис plus. 2016. Том 10. № 2. С. 3–8. DOI: 10.12737/19452.
7. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «Круглого стола» / Б.И. Пружинин и др. // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 20–56.
8. Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250009293-5.
9. Коленков А.А. Правовой режим оказания услуг по законодательству Российской Федерации // Юрист. 2017. № 3. С. 19–21.
10. Костина А.О. Нормативность, экспертиза и эпистемологический патернализм в философии науки. Обзор номеров журнала «Метафилософия» // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 229–241. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201956240>.
11. Кошовец О.Б., Фролов И.Э. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 20–31.
12. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с. ISBN 978-5-93255-481-4.
13. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Мирь, 2009.
14. Трушина Н.И. Патентование генов: философские, правовые и этические аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 15–17.
15. Фёдоров М.В., Пешина Э.В. Современные концепции производства знаний // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3. С. 6–12.
16. Фуллер Ст. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
17. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
18. Хмелевская С.А. К вопросу о повышении пенсионного возраста, или интеллектуальный сервиллизм // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 43–47.
19. Юдин Б.Г. Так что же происходит в науке? // Эпистемология и философия науки. 2011. № 4. С. 60–65.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения : В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 53–656.
21. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London, 1976; 2 ed. Chicago, 1991. 204 p. ISBN 0-226-06096-9.
22. Fuller St. New Frontiers in Science and Technology Studies. Wiley, 2007. 240 p. ISBN 0745636934.
23. Giarini O. New Paradigm in the Service Economy. The Search of Economics for Scientific Credibility: In between Hard and Soft Sciences // Cadmus. 2014. Vol. 2. № 3. Pp. 94–120.
24. Goldman A.I. Group knowledge versus group rationality: two approaches to social epistemology // Episteme. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 11–22. DOI: 10.3366/epi.2004.1.1.11.
25. Grossman R.L., Heath A., Murphy M., Patterson M., Wells W. A Case for Data Commons: Towards Data Science as a Service // Computing in Science and Engineering. 2016. № 18 (5). P. 10–20. DOI: 10.1109/MCSE.2016.92.
26. Kenessey Z. The primary, secondary, tertiary and quaternary sectors of the economy // Review of Income and Wealth. 1987. Vol. 33. № 4. P. 359–385. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1987.tb00680.x.

27. Madduri R.K., Foster I. Science as a Service: How on-demand computing can accelerate discovery // Conference: Proceedings of the 4th ACM workshop on Scientific cloud computing. June 2013. DOI: 10.1145/2465848.2480345.
28. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // *Sociology of Science* / Ed. B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65-79.
29. Merton R.K. *The Sociology of Science*. Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 267-278.
30. Miles S. *Consumerism as a Way of Life*. London: SAGE, 1998. 174 p.
31. Smart B. *Consumer society*. Sage Publications, 2010. 264 p.
32. Williams-Jones B. History of a gene patent: tracing the development and application of commercial BRCA testing // *Health Law Journal*. 2002. Vol. 10. P.123-146.

Сведения об авторе:

Светлана Анатольевна Хмелевская – доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии естественных факультетов, профессор.

Email xmelevsk@mail.ru elibrary Author_id 466776

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0119-405X>

DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.9

SERVICE MODEL OF SCIENCE, OR TO THE QUESTION OF CHANGING THE STATUS OF SCIENCE IN SOCIETY

RAR (Research Article)

Received: 11.06.2021 Accepted: 12.07.2021 Published: 20.09.2021

For citation: Khmelevskaya S.A. Service model of science, or to the question of changing the status of science in society. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17. No.3. P. 389–398. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.9

SVETLANA A. KHMELEVSKAYA¹

¹ Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991).

Abstract

Transformation of society to the post-industrial stage of development and the formation of a consumer society has significantly changed the status of science, which is reflected in the culture of postmodernism. The pre-existing status of science in the modern culture was based on its role as a basic epistemological subject producing true knowledge. The new status of science follows from the role of science in the service sector and the understanding of science as one of the subjects of this sphere, which was enshrined in the concept of «service science». The emergence of service science is due to a number of reasons: the increasing high cost of scientific research and the limited sources of state funding, the transfer of a number of scientific organizations to self-financing, etc. The phenomenon of service science has become a reality. Modern philosophy of science and, in particular, social epistemology, which focuses on both the advantages of service science and its negative features, is engaged in its comprehension. On the one hand, service science accelerates the development of scientific knowledge, redistributes functions between scientific organizations in order to speed up calculations, reduce costs, etc. On the other hand, the transformation to service science has led to a decline in the authority of science as an independent social institution, a decrease in its importance as a public domain, and the relationship «customer/consumer of services-service provider» is now dominant in the field of scientific activity, which makes science dependent on the customer (in particular, in the choice of research topics, etc.). This is dangerous in the sense that research and development begins to focus on the immediate demand, which, in the end, hides the desire of the customer to get a big profit here and now. At the same time, service science is, although predominant, but still only a part of modern science. However, the further development of science implies an increasing immersion in the service sector, which is already evident in the development of technoscience.

Keywords: science, service science, consumer society, postmodern culture, service sector, social epistemology, performer-customer relations, technoscience

References

1. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structures.] Moscow: AST, 2021. 384 p., ISBN 978-5-17-122729-6 (In Russ.).
2. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and simulation.] Moscow: POSTUM, 2015. 240 p., ISBN 978-5-91478-023-1 (In Russ.).
3. Bacon F. New Atlantis. *Essays*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1971. P. 483-519. (In Russ.).
4. Bacon F. Dignity and Advancement of the Science. *Essays*: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1978. P. 85-547. (In Russ.).
5. Jameson F. Postmodernism and consumer society. *Logos*. 2000. No. 4. P. 63-77. (In Russ.).
6. Kazarina Larisa A., Kazarina Marina V. Services in the field of scientific service. *Service plus*. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 3-8. DOI: 10.12737/19452 (In Russ.).
7. Pruzhinin B.I. et al. The self-integrity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of Round table. *Voprosy filosofii*. 2016. No. 8. P. 36-38. (In Russ.).
8. Kasavin Ilya T. Science as a political agent. *Sociological research*. 2020. No. 7. P. 3-14. DOI: 10.31857/S013216250009293-5 (In Russ.).
9. Kolenkov A.A. Legal regime of service provision under the legislation of the Russian Federation. *Yurist*. 2017. No. 3. P. 19-21. (In Russ.).
10. Kostina A.O. Normativity, expertise and epistemological paternalism in the philosophy of science. A review of the journal *Metaphilosophy*. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56. No. 2. P. 229-241. DOI: 10.5840/eps201956240 (In Russ.).

11. Koshovets O.B., Frolov I.E. Brave new world: on science transformation into technoscience. *Epistemology and Philosophy of science*. 2020. Vol. 57. No. 1. P. 20-31. (In Russ.).
12. Rodrik D. *Ekonomika reshaet: sila i slabost' «mrachnoj nauki»* [Economics rules: the rights and wrongs of the "dismal science"]. Moscow: Gaidar Institute, 2017. 256 p., ISBN 978-5-93255-481-4 (In Russ.).
13. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*. [Post-Non-classics: Philosophy, Science, Culture.] St. Petersburg: Mir, 2009. P. 249-295 (In Russ.).
14. Trushina N.I. Patenting genes: philosophical, legal and ethical aspects. *Socio-political Sciences*. 2017. No. 5. P. 15-17. (In Russ.).
15. Fedorov M.V., Peshina E.V. Modern concepts of knowledge production. *University management: practice and analysis*. 2012. No. 3. P. 6-12. (In Russ.).
16. Fuller S. Post-Truth: Knowledge as a power game. [Russ. ed.: *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'*]. Transl. from Eng. by D. Kralechkin. Moscow: House of the Higher School of Economics, 2021. 368 p. (In Russ.).
17. Huizinga J. *Teni zavtrashnego dnya. CHelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir*. [Shadows of tomorrow. Man and culture. The Darkened World]. - St. Petersburg: I. Limbach, 2010. 456 p.
18. Khmelevskaya Svetlana A. On the issue of raising the retirement age, or intellectual servilism. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2018. No. 4. Pp. 43-47. (In Russ.).
19. Yudin B.G. So what is happening in science? *Epistemology and Philosophy of science*. 2011. No. 4. P. 60-65. (In Russ.).
20. Hume D. A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects and Dialogues Concerning Natural Religion [Russ. ed.: *Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam*]. D. Hume essays in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1996. Pp. 53-656. (In Russ.).
21. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. London, 1976; 2 ed. Chicago, 1991. 204 p., ISBN 0-226-06096-9.
22. Fuller S. *New Frontiers in Science and Technology Studies*. Wiley, 2007. 240 p., ISBN 0745636934.
23. Giarini O. New Paradigm in the Service Economy. The Search of Economics for Scientific Credibility: In between Hard and Soft Sciences. *Cadmus*. 2014. Vol. 2. No. 3. P. 94-120.
24. Goldman A.I. Group knowledge versus group rationality: two approaches to social epistemology. *Episteme*. 2004. Vol. 1. No. P. 11-22. DOI: 10.3366/epi.2004.1.1.11.
25. Grossman R.L., Heath A., Murphy M., Patterson M., Wells W. A Case for Data Commons: Towards Data Science as a Service. *Computing in Science and Engineering*. 2016. No 18 (5). P. 10-20. DOI: 10.1109/MCSE.2016.92.
26. Kenessey Z. The primary, secondary, tertiary and quaternary sectors of the economy. *Review of Income and Wealth*. 1987. Vol. 33. No.4. P. 359-385. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1987.tb00680.x.
27. Madduri R.K., Foster I. Science as a Service: How on-demand computing can accelerate discovery. *Conference: Proceedings of the 4th ACM workshop on Scientific cloud computing*. June 2013. DOI: 10.1145/2465848.2480345.
28. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science. *Sociology of Science* / Ed. B. Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65-79.
29. Merton R.K. *The Sociology of Science*. Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 267-278.
30. Miles S. *Consumerism as a Way of Life*. London: SAGE, 1998. 174 p.
31. Smart B. *Consumer society*. Sage Publications, 2010. 264 p.
32. Williams-Jones B. History of a gene patent: tracing the development and application of commercial BRCA testing. *Health Law Journal*. 2002. Vol. 10. P. 123-146.

Information about the author:

Svetlana A. Khmelevskaya – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Natural Sciences, Professor.

Email xmelevsk@mail.ru **elibrary Author_id** 466776

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0119-405X>